

1812 ГОД В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПЕСНЯХ

Орехов В. В., аспирант

В 1912 г. в свет вышел сборник В. Н. Гартевельда, озаглавленный «1812 год в песнях». Собрание текстов 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона 1-го в Россию в 1812 году. Открывается сборник вступительной статьей составителя, и далее идут 24 русские песни и 9 французских, каждая из которых сопровождается небольшим комментарием, а французские тексты – поэтическим переводом, принадлежащим самому Гартевельду.

Ни в одном из общеизвестных справочников и биографических указателей имя Гартевельда обнаружить не удалось. По всей видимости, человек этот не имел прямого отношения к литературе, хотя он и сообщает во вступительной статье, что записал эти песни, собирая материалы для задуманной им в 1899 году драмы из эпохи двенадцатого года. При близком знакомстве со сборником становится понятным, что Гартевельд не обладал достаточной литературной эрудицией. Так, например, под 8 номером он печатает песню, названную им «Шевардинской» и дает следующий комментарий: эта песня «сложилась по поводу сражения у Шевардино, где солдаты были измучены осенней бурей, свирепствовавшей ночью перед сражением. Последние слова песни приписывают Кутузову» [1]. Читаем слова самой песни:

Мы долго, молча, отступали,

Досадно было, боя ждали...

И так далее по тексту М.Ю.Лермонтова до слов, которые здесь приписываются Кутузову:

Уж постоим мы головою

За родину свою [с. 17].

Можно было бы предположить, что Гартевельд намеренно умалчивает об авторстве Лермонтова, чтобы не допустить противоречия со своими собственными словами: «Русские народные песни 1812 г. почти все являются результатом чистого народного творчества» [с. 6]. Однако в других песнях, например, «То не град идет... (Великая панихида)» и «Лежат храбрейшие рядами... (Элегия на московский пожар)» авторство С.А.Круглова и Н.М. Карамзина указывается. Поэтому логичнее думать, что Гартевельд просто не знал о принадлежности текста так называемой «Шевардинской песни» М.Ю.Лермонтову. Сам по себе этот факт показателен в отношении известности лермонтовского текста в начале XX века, когда он мог показаться результатом исконно народного творчества.

О том, что Гартевельд не достаточно полно был осведомлен о новинках литературы, говорит еще одно обстоятельство. Прделав огромную работу, собрав песни по источникам (хранящимся в Императорской Публичной библиотеке, в Румянцевском музее в Москве [2], в музее Кюни в

Париже, в Архиве французской Академии) и частным преданиям, составитель сборника упускает из виду материалы, находящиеся «на поверхности». Так, он не делает никаких ссылок на публикацию в «Русском архиве» за 1887 год, подготовленную Петром Бартеневым по материалам архива Матвея Ивановича Муравьева-Апостола и озаглавленную «Песни славной эпохи 1812-1814 годов, которые пелись русскими офицерами».

И все же, несмотря на некоторые недочеты, настоящий сборник представляет несомненную ценность. Он действительно передает дух времени, когда, по выражению Бартенева, «образованное наше дворянство распевало французские песни, отстаивая родину от нашествия французского» [3].

Гартевельд постарался, чтобы в сборник вошли песни, которые пелись в великосветских салонах, например, «Ruisseau» («Ручеек») или «Элегия на московский пожар» Н.М.Карамзина, простонародные русские песни («Разоренная моя путь-дорожка», «За горами, за долами», «Ах ты, батюшка мой, славный тихий Дон» и др.) и ряд французских песен, что позволяет представить эпическую панораму происходивших событий.

К слову скажем, что Л.Н.Толстой в романе-эпопее «Война и мир», используя песни начала XIX века, следует, если можно так выразиться, той же схеме: во 2-ом томе при описании обеда в честь Багратиона 3 марта 1806 г. цитируется часть кантаты П. И. Голенищева-Кутузова:

Тщетны россам все препоны,
Храбрость есть побед залог,
Есть у нас Багратионы,
Будут все враги у ног... [4]

В том же томе, в сцене, где Наташа Ростова танцует русский танец, Толстой использует русскую народную песню:

За холодной ключевой,
Кричит, девица, постой! [5].

И наконец, в 4-ом томе романа, описывая, как французский офицер и его денщик, умирая от холода, прибились к русским войскам, Толстой вкладывает в уста денщика Мореля слова старинной французской песни «Vive Henri Quatre!» («Да здравствует Генрих Четвертый!») [6], которую с незначительными изменениями и полностью поместил в своем сборнике и Гартевельд. Кстати отметим, что в изданиях «Войны и мира» 1869 и 1873 годов песня эта дается без перевода, видимо, в расчете на ее общеизвестность.

Толстой, правда, не использует песни для характеристики морального настроения русских войск, но, как помним, приемом этим пользуется С.Бондарчук в экранизации «Войны и мира». Здесь русские солдаты поют «Ах вы, сени мои, сени...»

Собрав русские и французские песни одной эпохи, Гартевельд не делает их сравнительного анализа. В предисловии есть только одно замечание по этому поводу, которое следует принять к сведению. Гартевельд пишет: «... Есть одно существенное различие между французскими и русскими песнями 1812 года: во многих русских песнях 1812 года звучит ядовитая насмешка над французами. Ни в одной французской песне этого не встречается. Если в них говорится о врагах, то всегда о врагах Франции в совокупности. А так как француз того времени смотрел на себя как на пионера новых идей (свобода, равенство и братство), то в их песнях врагами часто являются «Les Rois», «Les Tyrans» («Короли», «Тираны») и т.д.» [с. 8]. В этом случае мы согласимся с наблюдением Гартевельда, заметив, однако, что русские песни дают повод говорить не столько о «ядовитой насмешке над французами», сколько о патриотическом пафосе.

Вообще же, различия между русскими и французскими песнями 1812 г. наиболее показательны, если проанализировать русский и французский текст песни «Te souviens-tu?» («Ты помнишь ли?») на музыку немецкого композитора Голтея. Интересна ее история. Слова французского текста принадлежат Эмилю Дебро и говорят о победах Наполеона. Позднее появилась русская песня с тем же названием и на ту же мелодию, в которой уже говорится о победах над Наполеоном. Гартевельд не дает перевод французского текста, публикуя вместо этого только ее русский вариант.

Вот французский текст:

Te souviens-tu – disait un Capitaine
 Au Vétéran qui mendiait son pain –
 Te souviens-tu qu'autrefois dans la plaine
 Tu détournas un sabre de mon sein?
 Sous le drapeaux d'une mŕre chérie,
 Tout les jadis nous avons combattu;
 Je m'en souviens car je dois la vie.
 Mais toi, soldat, dis-moi, t'en souviens-tu?

2

Te souviens-tu de ces jours trop rapides
 Ou les fran-ais asquit taut de renom!?
 Te souviens-tu que sur les pyramides
 Chacun de nous osa graver son nom?
 Malgré les vents, malgré la terre et onde
 On vit flotter, aprŕs l'avoir vaincu,
 Notre etendard sur le berceau du monde:
 Dis-moi, soldat, dis-moi, t'en souviens-tu?

3

Te souviens-tu que les preux d'Italie
Ont vainement combattu contre nous?
Te souviens-tu que les preux d'Iberie
Devant nos chefs ont plié les genoux?
Te souviens-tu qu'aux champs de l'Allemagne
Nos bataillons, arrivant impromptu,
En quatre jours ont fait une campagne:
Dis-moi, soldat, dis-moi, t'en souviens-tu? [7]

Сравним французский текст с русским вариантом песни:

«Ты помнишь ли, товарищ неизменный!» –
Так капитан солдату говорил, –
«Ты помнишь ли, как гром грозы военной
Святую Русь внезапно возмутил?
Ты помнишь ли, как мы под знаменами
Отечества сражались со врагом?
Как враг бежал несметными толпами,
Скажи, солдат, ты помнишь ли о том?»

2

Ты помнишь ли поход тот незабвенный,
Когда мы шли победы дань стяжать?
Когда повел наш Царь Благословенный
Расторгнуть плен и мир народам дать?..
Ты помнишь ли, как наш орел двуглавый,
На высотах Монмартра бросив гром,
Дал миру мир, во имя русской славы –
Скажи, солдат, ты помнишь ли о том?»

3

Ты помнишь ли, когда Париж надменный
Нам отворил заветные врата
И отдал лавр коленопреклоненный, –
И ждал от нас с покорностью суда?
Ты помнишь ли, как русские знамена

явились в нем с победным торжеством,
И мир сложил ярмо Наполеона –
Скажи, солдат, ты помнишь ли о том?» [с. 41]

Как видим, тема трагического положения ветерана войны 1812 г., весьма распространенная во французской литературе XIX в., в русском варианте отсутствует. Здесь солдат – неизменный товарищ офицера, прошедший с ним всю войну. Причем, если во французском тексте офицера и солдата сближают, в первую очередь, пережитые вместе опасности, «славные завоевания», то в русском тексте их сближает опасность, угрожающая «Святой Руси», «знаменам Отечества».

Французская песня использует образы, традиционно связываемые с победами наполеоновской армии: египетские пирамиды, колыбель, или лоно мира (*le berceau du monde*), – Рим, Италия; в последнем куплете – Германия. Строго говоря, победа для французов определяется возможностью «начертать имена героев» на пирамидах и «водрузить свой штандарт» над Римом.

Для русских победа над «надменным Парижем» и освобождение мира от «ярма Наполеона» становятся единоправными понятиями. В этом варианте противопоставление образа русского солдата и «коленипреклоненного» Парижа, ожидающего суда, чрезвычайно усиливает роль простого воина в установлении справедливости.

Итак, образы солдат во французском и русском вариантах песни контрастируют. Самое любопытное, что контраст возникает как бы естественно: проистекает не из оценки противника, но из самооценки русских и французов.

Если мы обратимся к «Песням славной эпохи 1812-1814 годов, которые пелись русскими офицерами», то мы и там найдем противопоставление русских и французов, но уже с позиции русской стороны. Бартенев приводит такое двустишие:

Народы Европы, поглядите на разницу
Между французами в Москве и варварами во Франции [8].

Здесь обыгрывается противопоставление привычных для Европы понятий: цивилизованности французов и варварства русских, но таким образом, что понятия эти приобретают значение прямо противоположное традиционному.

Допуская возможность субъективности взгляда русского автора, обратимся к свидетельствам Стендаля. Вот как в одном из «московских писем» (1812) Стендаль описывает пожарную Москву: «Мы выехали из города, освещенные самым величественным пожаром в мире, образовавшим огромную пирамиду, основание которой, как у молитвы правоверных, было на земле, а вершина уходила в небо. Над этой пеленой из пламени и дыма показалась луна. Зрелище было внушительное, но, чтобы наслаждаться им, нужно было быть одному или в обществе умных людей» [9].

Человек французской цивилизации, будущий классик французской литературы умеет находить чисто эстетическое удовольствие, наблюдая пожар и гибель «северной столицы», поначалу поразившей французов своим богатством и красотой. Он только сожалеет, что не может наслаждаться этим зрелищем «в обществе умных людей».

Позднее, в 1818 г. в «Жизни Наполеона» Стендаль описывает теперь уже вступление русских войск в Париж. Контраст разителен: «В десятом часу человек двадцать государей и владетельных князей во главе своих войск вступили в город через ворота Сен-Дени. Все балконы кишели людьми; дамы были в восхищении от этого зрелища. При проезде государей они восторженно махали платками; каждая из них хотела увидеть, а может быть, и пленить императора Александра» [10].

Бартенев публикует несколько стихов, которые в это время пели побежденные парижане в честь победителей русских: «Как люблю я видеть гордых сынов России на сих берегах! Эти дети Севера не почувствуют ли себя на родине, находясь посреди нас? Они горды и страшны в бою, они великодушны и храбры; и потому как им не быть лучшими друзьями Франции?» [11].

В исторической и художественной литературе, посвященной войне 1812 г., мы могли бы найти еще множество соответствий с теми выводами, на которые наводит анализ песен, собранных Гартевельдом. В этом отношении песни эпохи войны 1812 г. служат не только свидетельством конкретно-исторических фактов, но и иллюстрацией процессов, формирующих народный дух и характер.

Литература.

1. Гартевельд В.Н. 1812 год в песнях. – М., – 1912. – С. 16. Далее цитируем по названному изданию с указанием страницы в тексте.
2. В том же Румянцевском музее работал и Л.Н.Толстой, собирая материалы для «Войны и мира».
3. Бартенев П. Песни славной эпохи 1812 -1814 годов, которые пелись русскими офицерами // Русский архив. – М., – 1887. – Кн. 2. – С. 244.
4. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12-ти т. – М., – 1987. – Т. 4. – С. 23.
5. Толстой Л.Н. Там же. – С. 275.
6. Толстой Л.Н. Там же. – Т. 6. – С. 210.
7. Гартевельд В.Н. – Указ. соч. – С. 40. Для того, чтобы сделать сравнительный анализ двух текстов более наглядным, дадим рифмованный перевод французского варианта песни (перевод мой – В.О.):

«Помнишь, – капитан спросил солдата
(Тот солдат был нищий ветеран), –
Помнишь, палашом своим когда-то

Ты в степи мне грудь спасал от ран.
Ты под знаменем своей отчизны милой
На врага идти всегда был рад.
я все помню – я не жду могилы,
Но вот ты, ты помнишь ли, солдат?

2

Помнишь ли бег дней тех знаменитых,
Быстротечной славы времена!?
Помнишь, как француз на пирамидах
Начертал героев имена?
Вопреки земле и морю жили
И тогда с победой свой штандарт
Мы над лоном мира водрузили.
Ты скажи, ты помнишь ли, солдат?

3

Помнишь ли ты тщетно воевавших
Против нас Италии бойцов?
Помнишь ли колена преклонявших
Пред тобой иберских храбрецов?
Помнишь, как немецкими полями
Наши воины вперед летят –
В день четвертый бой закончен нами.
Ты скажи, ты помнишь ли, солдат?»

8. Бартенев П. – Указ. соч. – С. 244.

9. Стендаль. – Собр. соч. в 15-ти т. – М., – 1959. – Т. 15. – С. 116.

10. Стендаль. Там же. – Т. 11. – С. 151.

11. Бартенев П. – Указ. соч. – С. 244.